

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА КИТАЙСКУЮ МЕЧТУ¹

ЧЖАО ТИНЯН

Академия общественных наук КНР, Пекин, Китай

Резюме

В настоящее время концепция «китайской мечты» превратилась в часть официального дискурса КНР. В то же время ее сущностное наполнение остается неясным. В статье рассматривается историческая трансформация концепции. Ее эволюция с 1860-х годов определялась стратегическим вызовом со стороны западных стран. В ответ китайская интеллектуальная элита формулировала задачи все более широкой и комплексной модернизации, под которой на деле понималась вестернизация страны. В результате осуществление «китайской мечты» одновременно воспринималось как частичный отказ от национальных традиций. Даже марксизм, который использовался для борьбы с западным доминированием, также имеет западное происхождение. В этом отношении Мао Цзэдун и вслед за ним Коммунистическая партия Китая использовали контрстратегию, рассматривая марксизм как научное учение, являющееся мировым достоянием. В связи с происходящими под влиянием модернизации в Китае изменениями, встает вопрос о том, что же составляет неотъемлемую национальную специфику страны. В этом контексте автор формулирует концепцию «методологического Китая», которая определяется тем, что то, каким образом страна действует, гораздо лучше определяет ее сущность, чем ее ценности. Адаптивность Китая позволяла ему заимствовать все лучшее из западного опыта и тем самым сократить разрыв по отношению к ведущим державам. Реализация подобной стратегии может быть спроецирована на общие тенденции мирового развития, в рамках которых любые инновационные стратегии со временем утрачивают свою эксклюзивность и копируются конкурентами. В этих условиях страны сталкиваются с проблемой ограниченности ресурсов – конкуренция за них может стать не только бессмысленной, но и создавать угрозы для сохранения цивилизации. В этой ситуации необходимо перейти от преследования «национальной мечты» к построению системы стабильного сосуществования и мира.

Ключевые слова:

китайская мечта; имитация и инновация; идеальный Китай.

«Китайская мечта» стала предметом публичных дискуссий благодаря горячей поддержке данной концепции новым Председателем Китая Си Цзиньпином, который напомнил о более чем вековом китайском стремлении к национальному возрождению. Однако интерпретация произнесенного им послания не составляет цель настоящей статьи. Скорее, Читателю будет предложен исторический и философский

анализ китайских устремлений, которые представляют собой синоним или то, что похоже на «китайскую мечту».

Основываясь на более ранних рассуждениях о «китайской мечте» [Zhao, 2006a], я предполагаю продолжить углубленное изучение национальной мысли в этом вопросе. В последние сто лет эта концепция сочетала болезненную идею тяжелого времени и обоснование необходимости наци-

¹ Статья «The “China Dream” in Question» впервые была опубликована в журнале “Economic and Political Studies” (Vol. 2, No. 1, January 2014, pp. 127–142). По просьбе нашей редакции автор представил новую версию статьи, которая учитывает последние изменения в международных реалиях. Перевод и комментарий Грачикова Е.Н.

онально-государственного выживания путем модернизации, лучше сказать вестернизации, и втискивание в клуб великих держав. Горькой ценой за это, однако, стала девальвация национальной культуры и традиций. И как побочный результат — «китайская мечта» частично стала утрачивать свою «китайскость». Она теряла свое изначальное значение и становилась все больше китайской версией западной мечты. По содержанию она не всегда была тождественна «мечте Китая», так как не добавляла что-либо существенно нового в идеальное представление Китая и о мире и себе в этом мире. Настоящая статья рассматривает спорные вопросы, связанные с китайскими устремлениями, практическими действиями и с потенциальным идеалом.

1

Чаще всего мечта как таковая связана со стремлением к лучшей жизни или достижением великих успехов, но, когда происходит частичное совпадение между идеалом и мечтой, лучше отделять одно от другого. Идеал есть стремление к совершенству, которое воспринимается как нечто лучшее и высшее из теоретически возможного. В то же время мечта — это стремление к чему-то, что лучше, чем обыденность, но которой не требуется быть совершенством. Мечта без идеала может быть неясной и вводить в заблуждение. Надо заметить, что в постмодернистской «пустыне постидеологии» [Zizek 2012: 47] большинство мечтаний о революции, прогрессе или освобождении выглядят довольно неясными или даже слепыми, поскольку не были подкреплены четко сформулированным и осознанным общественным идеалом, создавая тем самым риски социальной стабильности.

Симптом неясных мечтаний — когда их субъекты требуют изменений, но не способны точно указать, к чему конкретно стремятся, или не знают, как могут достичь положительных трансформаций в результате осуществления искомых изменений.

Большинство недавних общественных мечтаний в различных регионах мира, связанных с идеологической эмансипацией после «холодной войны», были слепыми и мнимыми, иллюзорными и, как следствие, преданными, обманутыми. Они приводили к беспорядкам, гражданским войнам, нищете.

Будет ли «китайская мечта» успешным исключением? Этот вопрос вполне уместен. Сегодня она представляет собой не слепую, но и не вполне ясную и все еще открытую для серьезных вопросов концепцию. Прежде всего, является ли она исключительной китайской целью или универсальным идеалом, пригодным для остального мира. Станет ли она обоснованием экспансионизма, или китайский идеал универсализма лучше годится для самого Китая, а не для остального мира? Заинтересован ли мир в реализации «китайской мечты» или в восприятии «китайского идеала»?

Краткий анализ исторического контекста, в котором китайские национальные чаяния развивались, будет полезен, ибо тем самым мы постараемся восстановить содержательное значение «китайской мечты».

Около 3 тысяч лет назад Китай создал универсальную систему, которая формулировалась как модель мира/и для мира в терминологии «все под небесами»². Она была задумана, чтобы «обеспечить совместимость всех народов и всех стран» и осуществить китайский идеал вечного мира. На ее фундаменте династия Чжоу, основанная народом с небольшим населением, управляла народами со значительно большим населением. Непрерывность этой необычной и системной инновации подвергалась испытаниям на протяжении долгого времени, не исключая управления при помощи силы. При таком положении вещей правитель был вынужден организовать ойкумену в виде сетей, которые обеспечивали взаимозависимость между всеми народами. Они гарантировали доступ к совместно получаемым выгодам, которые были привлекательны для каждой страны в этой се-

² Российскому читателю больше знакомая как «Поднебесная», по-китайски 天下 Тянься (Tiānxià) — прим. переводчика.

ти. В случае отказа от вступления в нее или предательства этой международной системы «Тянься» следовала потеря доступа к общим благам. «Великая гармония» всех народов и мир были многообещающими результатами «Тянься»³.

Великий идеал такой системы был подорван менее амбициозной мечтой об империи, появившейся в 221 г. до н.э. Это изменение обозначило политический поворот от универсального «идеала Китая» к «мечте Китая». Китайская империя (221 г. до н.э. — 1911 г. н.э.) провозглашала себя центральной и ведущей державой мира, тем самым она задействовала символический нарратив, отражающий более раннюю сетевую модель «Тянься».

Во многих отношениях Китайская империя была мирным государством, не проводившим политику империализма. Заметно отличная от типично агрессивных образований в других регионах мира, Китайская империя была больше озабочена внутренним укреплением, нежели бесконечной экспансией, главным образом из-за неагрессивного и легко приспособляющегося характера китайской культуры.

В 1938 году, когда Китай страдал от кровопролитной войны против японской агрессии, известный историк Го Можо⁴ утверждал, что китайская культура имеет три основные черты, а именно: «самобытность, способность ассимилировать и неагрессивность». Эти особенности наделили нацию «великой упругостью (эластичностью), которую больше не встретишь в мире», и которая только пассивно была вовлечена в войну против агрессии [Guo 2007: 371]⁵.

В последние годы своего существования Китайская империя была озабочена болезненной мечтой о великих переменах в ответ на вызов со стороны западных дер-

жав. Неподготовленный традиционный Китай оказался брошен в современные игры соперничества оружия, металла и рынка. Все традиционные общества, включая Китай, потерпели поражения от современных держав, поэтому модернизация с неоспоримым свидетельством ее власти, силы и успеха.

«Мечта о модернизации» стала новой китайской мечтой, по иронии судьбы являясь также надеждой на выживание. Прогрессивная часть имперской элиты пришла к пониманию, что многообещающий новый Китай — это современная страна, которая начала модернизацию себя. Необходимо уточнить, что модернизация Китая все еще не завершена. Ее первая стадия, известная как «движение за вестернизацию» (*yangwu yundong*), продолжалась в течение века. В ходе нее страна стремительно, качественно преобразовывалась — от падения империи к Китайской Республике и Китайской Народной Республике.

Модернизация оказалась крайне болезненной из-за ее внутренней противоречивости. Стремление к модернизации в действительности выразилось в вестернизации, и поэтому это не мечта Китая, а мечта с китайской окраской, которая по-прежнему остается единственным способом выживания страны. Одновременно вестернизация — это девальвация китайских традиций и систематическая трансформация страны в нацию, зависимую от западной системы и западной игры. Национальная культура опирается на мудрость, мораль и нравственность, которые не подходят к современной военной конкуренции и антагонистическому соперничеству в торговле и поэтому, должны быть изменены. Признанная в качестве единственного шанса на выживание и процветание, модернизация,

³ Детальное обсуждение системы «Тянься» можно найти у Zhao (2006b, 2009, 2012).

⁴ Го Можо (1892–1978) — писатель, поэт, историк, археолог, первый президент Академии Наук КНР. — *прим. переводчика.*

⁵ Имеется в виду война сопротивления против японской агрессии, которая длилась 14 лет (1931–1945 гг.). В 2014 Китай установил национальный праздник и впервые в своей истории 3 сентября отметил 69 годовщину победы над Японией. В 2015 г. на мероприятиях 70-летнего юбилея ожидается участие президента России В.В. Путина. — *прим. переводчика.*

а точнее вестернизация, стала общей мечтой китайского народа.

В соответствии с китайской концепцией политической легитимности в терминах «воли народа» (*minxin suoxiang*), близкой западному народовластию, модернизация отражает опору на демократический выбор. Это — парадоксальная мечта о возрождении Китая с его одновременной девальвацией. Как свидетельствует современная история страны, великие национальные мыслители предпринимали большие усилия для поиска выхода из этого противоречия. Они стремятся найти инновационный «китайский путь», который синтезирует западный и местный опыт и обычно характеризуется как «модернизация с китайской спецификой», или если дословно — с китайскими чертами.

2

Как утверждалось выше, «китайская мечта», рассматриваемая как возрождение страны путем вестернизации с «китайской спецификой», сохраняет свою значимость. Это история о конфликте между рациональным рассмотрением того, как спасти Китай, и духовной озабоченностью о том, как отстоять национальную идентичность. Для того, чтобы сохранить себя в качестве «самой приспособляющейся» нации страна вынуждена была решить экзистенциального уровня проблему: как в условиях модернизации сохранить лучшие черты своей культуры, которые обнаружили эластичность на протяжении последних тысячелетий. Исторический обзор может подтвердить наше понимание проблематичности модернизации с китайскими чертами.

Первой попыткой модернизации Китая было «движение за вестернизацию» в промышленности (1861–1895), инициированное рядом имперских министров. Они формировали группу, которая осознавала жестокую правду, вынесенную из шокиру-

ющих уроков, которые были получены в ходе противостояния с западными державами начиная с 1840 года, — национальная слабость в военной и экономической областях никогда не позволит занять сильные позиции в международной конкуренции. Тем не менее сторонники преобразований старались защитить национальную культуру от модернизации решением, которое было названо «китайские ценности и западные средства» (*zhongti xiyong*)⁶ — влиятельная стратегия, которую большая часть интеллектуальной элиты молчаливо восприняло в качестве оправданного выбора с учетом вызова западных стран.

Постановка в центр этой концепции китайских ценностей объяснялась не только их эмоциональным восприятием, но также верой в потенциальное совершенствование общества путем акцентирования внимания на мире, семье и гармонии. Модель «китайские ценности и западные средства» предполагала возрождение конфуцианства так же, как и других традиций, в предстоящие двести лет, в течение которых Китай должен был снова подняться, чтобы стать великой державой.

Вскоре, после катастрофического поражения Китая в войне против Японии в 1894 году, которое общественностью воспринималось как результат недостаточности индустриальной вестернизации, некоторые радикальные реформаторы (в том числе такие известные ученые, как Кан Ювэй и Лян Цичао) предложили дальнейшую и углубленную вестернизацию, предполагающую проведение и соответствующих политических реформ. Эта стратегия должна была перестроить страну в конституционное национальное государство — подобная трансформация рассматривалась как благоприятное условие для будущих успехов нового Китая.

Реформаторы утверждали, что успешные преобразования должны включать

⁶ Лозунг «*zhongti xiyong*» часто не правильно переводится, как «Chinese body and Western applications». Такой перевод достаточно путанный и даже неверный. Формула «Chinese values and Western means» (китайские ценности и западные средства) возвращает нас к ранним рекомендациям Сюй Гуанци *Xu Guangqi*, поздний период династии Мин, о взаимоотношениях китайской и западной культур, как о «переформатировании западного вклада в китайскую форму». См. Xu [1984, 375].

«систематические изменения» (bianfa) в политике, образовании и ценностях в дополнение к изменениям в промышленности. Их осуществление означало бы «полное изменение» (quanbian) во всем, а не некоторые изменения в одном [Lian 2000; Kang 1981]⁷. Этот подход получил отражение в лозунге «реформы под именем возрождения» (tuogu gaizhi), который отражал концепцию «новое под маркой старого» — полезный аргумент, чтобы уменьшить консервативное сопротивление радикальным преобразованиям. Он также ориентировал на то, чтобы развивать новые идеи из старых путем их переосмысления, делающего их частично похожими на оригинал, а частично нет. Реформаторы утверждали, что наиболее необходимые западные ценности и институты, такие, как верховенство закона, равенство и демократия, практически то же самое, что и их китайские прототипы более раннего периода.

Волшебная формула «нового под маркой старого» на деле — продуктивный путь переписывания истории, часто критикуемый за неправильную интерпретацию, но, который также креативно устанавливает жизненные связи между прошлым и будущим. И в некоторой степени выдуманные истории позволяют реанимировать забытые идеалы, так же, как новый опыт стимулирует эволюцию старых практик. В этом китайском понимании традиции история — всегда живая и действующая в настоящее время, а не память и знание прошлого. Китайские интеллектуалы могли эффективно пользоваться преимуществом живой и активной традиции, в ответ на все перемены в прошлом и в настоящем. Они обрамляли преобразования утвердившимися культурными посылами и обычаями для того, чтобы передать китайские особенности даже тогда, когда страна во многих областях подвергалась вестернизации.

Тем не менее необходимо осторожно использовать этот метод реинтерпретации традиции, так как он может быть неверно

или умышленно неправильно применен для преувеличения ее роли. Например, недавно придуманная история о конфуцианском конституционализме, никогда не существовавшем, — не является ни правдой, ни логически совместимой с конфуцианскими ценностями конструкцией. Конфуцианство может быть креативно интерпретировано и развито без подмены его подзрительно податливыми подделками.

В 1911 г. группа националистов, руководимая Сунь Ятсеном, учредила первую китайскую республику, пытаясь внедрить современную систему с некоторыми национальными чертами, которая теоретически должна быть лучше, чем оригинальная западная модель. Она представляла собой новую конституционную организацию в терминах разделения «пяти властей», включавших китайскую традиционную власть экзаменов и инспекций в дополнение к трем западным ветвям власти. Сунь Ятсен был горд за свою «личную инновацию» «улучшенной конституционной системы», основанной на комбинации наиболее перспективных институциональных начал политических культур Запада и Китая [Sun 2007]. Тем не менее его «китайская мечта» работала не так хорошо, как он задумывал. По-видимому, как из-за условий, которые не соответствовали планировавшимся, так и вследствие неудачи в решении насущных социальных и политических проблем и уменьшении масштабов народной нищеты и смятения.

После многих лет страданий, поражений и опасных мечтаний запутанное и разочарованное молодое поколение вопрошало, в чем конкретно состоит формула, которая может спасти страну. С радикальной саморефлексии и самокритики «движение 4 мая» и «движение за новую культуру» в 1920-х годах начали широкую борьбу против всех считавшихся устаревшими традиций. Фокус этой битвы был направлен против конфуцианства, которое тогда воспринималось как отсталая или консерва-

⁷ В этой связи Лян Цицао мечтал о «молодом новом Китае» (shaonian zhongguo) — возрожденной нации, появившейся в результате реформ.

тивная культура, стоящая на пути современной науки и демократии. Подобная борьба указывала на желание средствами модернизации быть полностью переформатированными в «духовной» и «материальной» сферах.

Лу Синь, прославленный писатель и наиболее влиятельная фигура в «движении за новую культуру», отговаривал молодежь от чтения китайских книг, характеризуя их поклонников как «оптимистичных зомби» [Lu 1997: 285]. Из его уст такая критика звучала парадоксально, поскольку в китайской истории и литературе Лу Синь сам являлся выдающимся деятелем.

Мао Цзэдун сделал наиболее интересный вывод из ситуации в Китае: с 1840 г. принято было считать, что единственным путем спасения Китая является его реформирование, а единственным путем реформ представляется копирование Запада. «Но западное империалистическое продолжающееся вторжение разрушает китайскую нежную мечту о копировании Запада. Весьма странно, что учителя любят насилловать своих учеников! Китайцы следуют за лидирующим Западом на протяжении длительного времени, но ничто не помогло Китаю осуществить его хорошую мечту. Так много усилий, включая революцию 1911 года, завершились неудачей. Наша страна была критически ослаблена, настолько, что большинство людей не имело средств к существованию. Сомнения охватили и подавили [людей]». Наконец успех революции в России позволил «китайцам узнать марксизм-ленинизм — универсальную применимую правду» [Мао 1996: 342].

Марксизм и его идеалы были восприняты коммунистами в качестве «китайской мечты», что предотвратило страну от превращения в несостоявшееся государство. В то же время западная мечта о модернизации мира путем натравливания коммунизма на соревнование с либеральным капитализмом скорее была стремлением к поощрению китайских национальных особен-

ностей. Коммунизм сокрушил и изгнал западных соперников из Китая, однако была девальвирована и китайская культура. Это парадокс мечты о модернизации: спасение страны требовало эрозии или предательства национальной специфики.

Этот абсурдный парадокс можно в какой-то мере объяснить — существование Китая значит больше, чем его идентичность. Другими словами, «быть» — более важно, чем как это выглядит со стороны. В этой связи использование представившегося шанса обосновано. Острая необходимость выживания нации (baozhong), должна быть реализована раньше, чем появится китайская культурная идентичность (baojiao).

Новый Китай Мао был действительно более вестернизированным, чем когда-либо, и мы должны помнить, что марксизм и коммунизм на самом деле западные изобретения. Вестернизация была осуществлена не только в политической системе, промышленности, науке и технологии, но и в философии и ценностях также, как и в искусстве и литературе⁸. Китайская культура была сохранена в качестве традиции прошлого — в тех случаях, когда это было востребовано. Этот подход стал явным отголоском «движения за новую культуру» начала 1900-х годов.

Коммунистическая партия Китая (КПК) пыталась избежать дилеммы вестернизации—девальвации Китая, выдвигая контрстратегию — девестернизацию марксизма, принимая при этом его как «научную» правду — нечто, что рассматривается как «универсальное и объективное», как наука о естественных законах. Националистическая озабоченность «китайской» была снижена путем интернационализации марксизма, однако беспокойство так никогда окончательно не исчезло. В конце 1980-х годов Ли Цзэхуо, известный китайский философ, обобщил ситуацию с марксизмом в Китае в формулу «западная доктрина с китайским применением» (xiti zhongyong). Тем не менее КПК не проявила

⁸Например, западная классическая музыка, балет и современные романы стали ставиться выше, чем китайская «народная культура».

никакого интереса к его концепции, которая демонстрировала восточное лицо марксизма. Китайское представление марксизма как объективной правды, которое затушевывает его западные черты, ставит его выше любой культуры.

Мао был маоистом больше, чем марксистом, сложным и радикальным мыслителем, ослепленным прогрессом и идеей революции. Учитывая его необычные знания и понимание истории и мира, он все же не был удовлетворен ни «китайской мечтой» в традиционной версии западного модерна, ни «китайской мечтой» в конфуцианской интерпретации, которые не были совсем новыми обществами, по крайней мере, не такими новыми, за которые он боролся. Мао стремился создать общество, которого еще никогда не существовало. Он хотел «самое новое и прекрасное» общество, «страны без нищеты и недостатков». Его мечта была радикальной утопией с недостижимыми требованиями к людям стать неэгоистичными, «очищенными от низких качеств», где каждый предан «служению народу» (его наиболее известный лозунг) с искренней радостью в их душах.

В целях создания лучших условий для его в каком-то смысле постмодернистской утопии Мао создал идеального человека, с радостью помогающего любому, кому это нужно, прообразом которому послужил солдат Лэй Фэн. Если бы этот идеал был реализован, то социалистическая «видимая рука» служения народу работала бы лучше, чем капиталистическая «невидимая рука» получения прибыли из всего, что можно. Мао стремился к утопии всеобщего равенства, но он проигнорировал первостепенную проблему, требующую безотлагательного внимания, – тот факт, что Китай находился в нищете и люди страдали от недостатка, который нельзя было преодолеть путем простого стремления к морали и духовности. Правда заключается в том, что никакой дух не может спасти голодное тело. Напротив, крайняя нищета может разрушить мораль и дух.

После десяти лет⁹ невзгод, невыносимой нищеты и постоянной нехватки ресурсов, страна опять нуждалась в спасении. Дэн Сяопин – сохранил Китай, проведя реалистичные экономические реформы и воспользовавшись преимуществами глобального рынка. Его лозунг «развитие – самая сильная правда» говорит о понимании им реальности и прагматичности цели, но он был реалистом, а не просто прагматиком. Преемник Дэна Цзян Цзэминь осуществил быструю модернизацию вооруженных сил. Они оба внесли большой вклад в воплощение мечты о модернизации. Тем не менее это было беспокойное стремление к скорому выходу из кошмара нищеты и отсутствия безопасности, и оно все ещё было далеко от триумфальной мечты об утопии.

Сегодня тридцать лет успешной модернизации в Китае привели к более уверенным заявлениям о «китайской мечте» Си Цзиньпина, нынешнего Председателя Китая, формулируемых в терминах национального возрождения. В то же время вопросов по-прежнему остается много. Что предлагается нового? Будет ли это мечта о продолжении модернизации или о новой и отличной от прежней миссии?

Концепция возрождения Китая не определена однозначно, открыта для гибких толкований, в ней предварительно заявлено о выполнении «главных социалистических ценностей», вобравших в себя почти все современные общечеловеческие устремления, включая процветание, демократию, гармонию, свободу, равенство, справедливость, верховенство закона, доверие, преданность, патриотизм, братство. Список слишком длинен, чтобы обрести единый определенный смысл. Единственным его посланием остается любовь к современности.

Вместе с тем некоторые свидетельства подтверждают, что обозначенная концепция предполагает фактически новую попытку установить правила игры для взаимовыгодного сотрудничества народов. Она проявляется в инициативе трансгранично-

⁹ Речь идет о десяти годах «культурной революции» – прим. переводчика.

го сотрудничества «одного пояса и одного пути», основанного на концепции Шелкового пути и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, которые рассматриваются как более равноправные и перспективные формы сотрудничества стран. Эти проекты, которых, возможно, будет больше, представляют собой усилия по приданию экономической и политической важности Евразии вместо центральности Атлантики.

Обзревая все успешные и неосуществленные мечты векового периода, мы можем видеть некоторые пересекающиеся устремления: (1) модернизация Китая и копирование успешного и современного Запада; (2) вера в концепцию прогресса; и (3) «китайские особенности» модернизации. Главным пунктом «китайской мечты» представляется восприятие западных достижений путем «смещения и подбора» капитализма и социализма, свободного рынка и правительственного регулирования, торгового доминирования и идеологической ориентации, и осуществление ревизионистской модернизации с китайскими чертами. Вплоть до сегодняшнего дня все современные версии «китайской мечты» были сконцентрированы на модернизации на национальной основе.

Исторический обзор позволяет поставить вопросы к теоретическому анализу: Почему копирование успешно работает? Что такое «китайский путь»? Наконец, станет ли он политической инновацией для мира?

З

Освещение сущности «китайского пути» требует объяснения того, что следует понимать под китайским. Люди могут иметь различные и даже противоположные мнения о китайскости, основанные на их различном восприятии страны. Ее меняющееся лицо очень точно показывает саму его природу: Китай как методология адаптации, или «методологический Китай».

Это методологическое бытие лучше отражает сущность явления, чем его ценности — как это работает объясняет больше, чем то, что оно есть на самом деле. Китай-

ская методология говорит о сущности Китая больше, чем китайские ценности. Я использую это понятие как основной ключ к пониманию Китая.

Люди могут знать много о китайских ценностях, но даже тогда они их часто неправильно трактуют и потому неправильно понимают. С одной стороны, конфуцианство приблизительно определяет традиционные ценности, большинство из которых основаны на идеализированных семейных отношениях, таких, как постоянное взаимное благородство между «другими» и «собой» (геп, означает взаимное уважение других как представителей людей, которых необходимо уважать уже только за это) и человеческие обязательства (уі, означает взаимные обязательства перед другими, моральный долг). С другой стороны, «Ицзин» («Книга перемен») и даосизм объясняют общую китайскую методологию рационального мышления и поступков, включая гибкий путь изменений вместе с изменениями; осторожный подход, если дело идет о вызовах и рисках, и активных стратегиях для различных ситуаций и обстоятельств; естественный подход для понимания и принятия будущего непредсказуемых возможностей. Это хорошо описано у Лао-цзы в метафоре воды, с помощью которой китайские мыслители рассматривают ситуацию, условия и возможности для того, чтобы сделать свой выбор более гибким, таким, как вода, которая находит самый короткий путь к необходимому месту.

Этот способ создания альтернатив может сделать «методологический Китай» таким гибким, что он никогда не связан ни с одной из существующих концепций, доктрин, верований или идеологий. Другими словами, он отвергает любой вариант фундаментализма. В связи с этим любая концепция или принцип могут быть реинтерпретированы или переформулированы для того, чтобы соответствовать существующим условиям, и никогда они не рассматриваются как нечто, не подлежащее изменению. Напротив, все понимается в контексте постоянно меняющейся ситуации и корректируется исходя из значимых событий.

В соответствии с этой методологией гибкости, все должно быть изменено, чтобы быть хорошим, и для того, чтобы быть во имя хорошего. Как говорится в «Ицзине», единственным онтологическим смыслом бытия является бытие для чего-то хорошего, поэтому самой великой онтологической мудростью является «позволение бытию быть» (shengsheng)¹⁰.

Таким образом, все концепции, доктрины или «измы», не важно из западных или китайских традиций, такие, как: демократия, революция, свобода или бог, марксизм, либерализм, конфуцианство или буддизм, все было гибко реинтерпретировано. В результате возникли «китайский марксизм», «социализм с китайской спецификой», «рыночная экономика китайского социализма» или «демократия по-китайски». «Методологический Китай» предпочитает ревизионизм и добивается успеха путем ревизионизма – звучит парадоксально, так как когда-то Мао, критикуя упрямый Советский Союз, называл его ревизионистским.

Мао и Дэн были мастерами ревизионизма, когда «диалектично» (что означает китайское применение диалектики Гегеля и Маркса) интегрировали марксистскую доктрину в свою практику, невзирая на то что смотрелось это несколько странным. Выглядело так, как будто Дэн был далеко за пределами идеологии. Его влиятельный призыв «больше никаких дебатов по поводу измов» полностью демонстрирует типичный «методологический Китай», а не (как это обычно неправильно трактуется) прагматичную или утилитарную стратегию. Дэн нуждался в эффективном рынке и стабильном порядке, так как это требуется для развития любому обществу, которое не хочет ничего слышать о социалистической или капиталистической доктрине. В связи с этим коммунистическая партия может управлять капиталистической рыночной экономикой в отсутствие демократии – это необычный подход, но исторически срабатывал хорошо.

Китайская модернизация была удачной в ее ревизионистской имитации различных западных систем путем их смешивания, а не просто копирования, особенно в период проведения реформ. Интеграция социализма и капитализма, рыночной конкуренции и правительственных директив выглядела как контрбалансирование слабых мест обеих систем или, по крайней мере, извлечение уроков из побочных эффектов другой стороны.

Ошеломляющий успех Китая в совмещении противоположных доктрин может быть объяснен «методологией воды», которая представляется наиболее эффективной с точки зрения минимизации расходов и рисков. Подобный вывод о природе Китая влечет за собой другую проблему: если «методологический Китай» сам по себе такой инновационный и эффективный, почему тогда он не вызывает к жизни новую систему взамен имитационной? Или, сможет ли он прекратить имитацию и развить действительно «новый путь» для Китая?

Копирование успешных игроков – лучшая стратегия (или, в лучшем случае, наименее затратная) для неразвитых или развивающихся стран. Гибкое ревизионистское заимствование может быть даже успешнее, так как это единственная возможность иметь доступ к информации, знаниям, технологиям, рынкам и ресурсам великих держав, которая уменьшает асимметричное преимущество и доминирование конкурентов и в какой-то степени изменяет несправедливое распределение интересов и выгод. Подъем Китая стал самым успешным примером модернизации путем копирования западных держав. А гибкое заимствование имеет уникальные китайские черты в форме интегрирования различных западных элементов, которые были переформатированы или вновь воспроизведены посредством «методологии воды».

Часто обсуждаемые «китайские черты» являются методологическими, а не ценностными. Они несводимы к общеприня-

¹⁰ Более подробные метафизические аргументы можно найти у Zhao (2013, chap. 8).

той неправильной идентификации марксизма или конфуцианства в качестве «китайских черт» реформирования потому, что марксизм и коммунизм представляют, как раз, другую сторону западного модернизма. Ошибочное восприятие марксизма в качестве китайской доктрины ведет к кардинально ошибочному пониманию сущности и потенциала страны. Например, в контексте антагонистической борьбы марксизм по существу выступает доктриной революции и либерализации, когда, напротив, практически все традиционные китайские политические и этические теории выступают за мир, гармонию и совместимость с минимальным интересом к войне, борьбе и враждебности.

Что касается конфуцианства, то, конечно, оно остается в современном китайском дискурсе, но оно не совсем оправилось от травм прошлого столетия и еще далеко от того, чтобы формировать доминирующий набор ценностей в современном Китае. Современный Китай — это «методологический Китай» с разными конкурирующими и противоречивыми ценностями, которым не хватает национального идеала.

Китайское копирование модернизации вероятно приведет страну к подъему, однако успешное заимствование демонстрирует силу Запада. Китай все еще находится на непредсказуемом пути к модернизации, оставляя нас на неопределенном «китайском пути», а не в китайской модели.

Копирование самых успешных держав — наилучший стратегический выбор для развивающихся стран. Между тем встает вопрос, что произойдет, если и/или когда Китай догонит западные страны? Сможет ли это сделать мир более сбалансированным или для мира начнется новая игра? В данном случае не «китайская мечта», а «мечта о модерне», в свою очередь, под вопросом.

Более тщательное разъяснение изложенной теории — этот «тест на копирование» возможно, наполнит смыслом потенциальные ее следствия. Начнем с теоретического эксперимента с игрой независимых держав в поисках максимизации своих собственных интересов. Каждая страна

предположительно обладает хорошей способностью учиться и копировать успешные стратегии других. Логически ожидаемым результатом является то, что ни одна из успешных стратегий не доминирует вечно, поскольку все они со временем становятся общедоступным знанием, которым пользуются все игроки. Инновационные стратегии требуют больше времени, чем копирование, поэтому имитаторы вскоре догоняют инноваторов.

Баланс информации, вполне вероятно, ведет к балансу власти. А стабильное равновесие может быть достигнуто, когда все игроки выучат все успешные стратегии и станут одинаково сильными или одинаково глупыми. Это не активная ситуация, как в случае с концом света, а пассивное равновесие, которое не означает конец игры, а лишь конец инновациям. Когда это происходит, инновации активируются новой игрой, и, без сомнения, общество всегда будет продолжать стремиться к активному соперничеству. Пассивное равновесие не всегда представляется катастрофой, в частности, Лао-цзы мечтал о подобном состоянии как о стабильном мире.

Здесь скрыт фундаментальный вызов — повсеместно копируемая доминантная стратегия, которая создает стабильный баланс, может быть либо хорошей для всех, либо плохой для всех (к примеру, дилемма заключенного, свободного всадника, трагедия общин). Наш тест будет полезным для проверки того, будет ли стратегия хорошей или плохой: если всеми копируемая стратегия логически будет вести к негативному возмездию, что будет тем плохим, что разрушит всех игроков.

Таким образом, должно быть доказано, что стратегия, в случае ее копирования, будет нежелательным выбором для всех, если приведет к поражению или ударит по себе. Стратегия, нацеленная на поражение других, может привести к поражению в том случае, когда она будет скопирована всеми остальными, то есть в ситуации, когда указанная стратегия будет «побита своим же собственным оружием». В этой связи действительно хорошая стратегия должна

справляться с любыми последствиями всеми копируемой стратегией.

В эпоху глобализации наш тест представляется особенно полезным для проверки альтернативных идеологических конструкций, к примеру, «американской мечты», «европейской мечты» или современной «китайской мечты». Что касается этих устремлений, то они все схожи, хотя в чем-то и различаются: мечты модерна основаны на колоссальном потреблении ограниченных ресурсов и неблагоразумной конкуренции. Маловероятно, чтобы все они смогли успешно осуществиться без катастрофических последствий. Странно, что некоторые современные державы (особенно США), по-прежнему, стараются разрушить мечту других стран, применяя свою немодернизированную стратегию, которой уже более ста лет и которая включает такие составляющие, как сдерживание, запугивание, санкции и, в конечном счете, войны.

Если говорить о глобальной обстановке сетевой взаимозависимости держав, то все стратегии, нацеленные на максимизацию своих собственных интересов, вполне вероятно, будут неэффективными, если не завершатся провалом или поражением. Как мне представляется, глобальная катастрофа наступит раньше, чем какая-нибудь держава победит в саморазрушающей конкуренции современной игры.

Актуальная международная повестка дня подтверждает причудливость современности и развивающуюся глобальную идентичность. Национальные устремления не будут работать хорошо, пока они всерьез не учтут глобальные условия. Другими словами, мечта о современности будет встречаться с глобальными вызовами и, поэтому, она должна быть трансформирована в мечту о формировании глобальности. Одно из фундаментальных изменений сегодня — неизбежность и необходимость взаимозависимости всех наций, всех народов и всех стран. Это создает новые онтологические условия сосуществования, своего рода симбиоз, при котором выживание и учёт интересов всех стран и всех народов становятся возможными.

Требуется внесение изменений в правила игры, стратегии и основные концепции или ценности этого мира. Например, негативная концепция «феноменализма» должна быть переформулирована на новой онтологической основе, взамен внешних обстоятельств, врагов или оппонентов, которые происходят из игр, построенных на гражданском неповиновении. Сейчас все народы, все нации и все страны стали настолько взаимосвязаны в глобальной взаимной зависимости, что внешние вызовы не могут рассматриваться, как «негативные» сущности, которые должны быть уничтожены. Корпоративная игра, построенная на сосуществовании, стала единственным путем развития любой страны, и совместимость должна заменить собой конкуренцию в качестве логики глобального взаимодействия.

Мир ждет инноваций в ценностях, системах и технологиях, которые выдержат экзамен на копирование и принесут выгоду всем народам. Соревнование ценностей и систем в глобальную эпоху не должно перерасти в надуманное столкновение цивилизаций, противоборство между Западом и Востоком, либерализмом и социализмом или демократией и авторитаризмом. Оно будет заключаться в конкуренции между модерном эксклюзивной субъективностью и глобальностью трансубъектного сосуществования.

Возникает ряд вопросов, связанных с современными устремлениями Китая. «Методологический Китай» в прошлом веке выражался в рациональной гибкости национального выживания и возрождения путем модернизации. Вполне ожидаемо, что следующей задачей «методологического Китая» должно быть развитие идеального Китая с тем, чтобы установить порядок для глобализованного мира с учетом важной роли КНР в глобальной игре.

* * *

Радикальная мечта может привести государство, народ или даже мир к трагедии и фарсу. Мы должны как можно спокойнее признать, что все современные идеологии

по своей природе радикальны или неестественны, включая капитализм, социализм и либерализм, как, впрочем, и другие «измы», поскольку все они следуют логике модерна, выдвинутой на первый план субъективности. Сам модерн — это очень противоречивая мечта, виновная во всех обманутых чаяниях.

Трагедия, которая вырождается в фарс, заключается в том, что каждая современная «мечта» противоречит любой другой, хотя каждая из них выглядит логичной, если их рассматривать по отдельности. Невыполнимо, даже невероятно, реализовать одновременно все современные устремления, среди прочих такие как: постоянный прогресс в технике и экономике, возрастающая демократия, равенство, справедливость, права человека, социальная справедливость и свободный рынок, максимизация личных интересов, индивидуальных свобод и социального благосостояния, полное освобождение от эксплуатации, угнетения и дискриминации, все большее ограничение власти и социальных привилегий. Очевидно, что масса всех этих субъективных требований превосходит возможности объективного мира, общества и природы — эта субъективность намного превосходит объективность.

«Китайская мечта» — это парадокс в миниатюре всех развивающихся стран в их стремлении к модернизации. Такие страны стараются осуществить свои цели модернизации, страдая от систематической эксплуатации, при этом перенося негативные последствия модерна и одновременно сталкиваясь с глобальными вызовами. Можно ли преобразовать несбалансированный современный мир в сбалансированный глобальный мир? Станет ли глобальная игра революцией, которая изменит современность, систематическую эксплуатацию стран, находящихся в невыгодной ситуации?

Я действительно верю, что благоразумная мечта в век глобализации будет принята миром в расчет. С учетом глобальных условий неизбежной взаимозависимости, у нас нет иного выбора, как только серьезно отнестись к миру. В главе 68 «Летописи

Весны и Осени» Лю Буэй, министр одного из ранних царств Китая, предвидел важность глобальных обстоятельств: «Ни одно государство не будет в безопасности, если мир в беспорядке; ни одна семья не избежит несчастья, если страна в беспорядке; никто не найдет себе места, если семья разрушена». Сегодня большинство мест в мире изобилуют бедствиями.

Насколько можно судить, национальная мечта должна быть связана с глобальной мечтой, а мир совместимости должен вовремя заменить мир конкуренции, пока мы не достигли анархии. Сегодня превалирует движение к беспорядку. Финансовый кризис, протекционистские экономические войны, выступления в Северной Африке и на Ближнем Востоке, распространение ядерного оружия и терроризма, опасность изменения климата и загрязнение — результаты нынешнего времени, которое определяется жадностью, враждой и эксплуатацией. Современная мечта не уйдет слишком далеко, поскольку не может справиться с их карающими последствиями. Миру нужна глобальная мечта.

Обновленная система «Поднебесной» и рациональные отношения могут быть универсальными идеалами, которые теоретически могут справиться с «тестом на копирование» и привести к совместимому и стабильному миру. Рациональность отношений сможет снизить большое количество враждебной конкуренции, развитой современной индивидуальной рациональности в поисках максимизации личной выгоды. А система «Поднебесной» сможет привести международное сообщество к обновленному и совершенному миром, основанном на глобальных условиях мультицивилизаций, более охватывающем, чем кантианские условия для мира. «Включенность всех под небесами» предполагает интернационализацию всего мира и способствует совместимости или реализации такой модели, которая будет благоприятна для обществ. Если совместимый мир «Поднебесной» станет однажды доступным, это станет скорее мировой мечтой, чем китайской концепцией.

Мечта о единстве всех пролетариев не удалась. Тогда, вместо этого, приходит единство всех капиталистов. Это, безусловно, не конец истории. Я бы скорее ожидал сосуществование всех народов и/или единство всех богов. В то же время мы

должны переосмыслить то, что действительно имеет значение для развития надежного сотрудничества, то, что неизбежно разделяет народы, или какие условия необходимы для сосуществования и какое будущее действительно осуществимо.

Список литературы

- Guo Moruo*. The Essence of Reviving the Chinese Nation (复兴民族的真谛). // The History of Social Theories in China: The Republic of China (中国社会思想史资料选辑. 民国卷. Vol. 1). / edited by Xueyi Lu and Chuhui Wang. Nanning: Guanxi People's Publishing House, 2007. 370–372.
- Kang Youwei*. The Second Letter to the Qing Emperor (上青帝第二书). // Rang Youwei's Works on Publics (康有为政论集, Vol. 1). / edited by Zhijun Tang. Beijing: Zhonghua Book Company, 1981.
- Liang Qichao*. On Reform: A General Discussion (变法通议). Beijing: Huaxia Publishing House, 2002.
- Lu Xun*. Essays of Lu Xun (鲁迅杂文集. Vol. 1). Shenyang: Chunfeng Art and Literature Press, 1997.
- Selected Works of Mao Zedong (毛泽东选集, Vol. 4). Beijing: People's Publishing House, 1996.
- Sun Yat-sen*. The Five-Power Constitution. (五权宪法). // The History of Social Theories in China: The Republic of China (Vol. 1). / edited by Xueyi Lu and Chuhui Wang. 162–173. Nanning: Guanxi People's Publishing House, 2007.
- The Chinese People Have Stood Up (中国人从此站起来了). // Selected Writings of Mao Zedong (毛泽东选集, Vol. 5). Beijing: People's Publishing House, 1996.
- Xu Guangxi*. Works of Xu Guangqi (徐光启集, Vol. 2), compiled and collected by Zhongmin Wang. Shanghai: Shanghai Classics Publishing House, 1984.
- Zhao Tingyang*. The American Dream, the European Dream and China's Dream (美国梦, 欧洲梦和中国梦) // Transcultural Dialogue (跨文化对话), 2006a. (18): 143–161.
- Zhao Tingyang*. Rethinking Empire from a Chinese Concept All-under-Heaven (Tianxia) // Diogenes. 2006b. 12 (1), 29–41.
- Zhao Tingyang*. 2009. A Political World Philosophy in Terms of All-under-Heaven (Tianxia). // Diogenes. 56(1), 5–18.
- Zhao Tingyang*. All-under-Heaven and Methodological Relationism: An Old Story and New World Peace. // Contemporary Chinese Political Thought: Debates and Perspectives. / edited by Fred Dallmayr and Tingyang Zhao. Lexington: University Press of Kentucky, 2012. 47–66.
- Zhao Tingyang*. First Philosophy: From Cogito to Facio (第一哲学的支点). Beijing: SDX Joint Publishing Company, 2013.
- Zizek Slavoj*. The Year of Dreaming Dangerously. London: Verso, 2012.

REALIZING THE CHINESE DREAM?^{1 1}

ZHAO TINGYANG

Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, 100732, China

Abstract

Today the notion of “Chinese dream” has emerged as part of the official discourse of the PRC. Meanwhile, its substance has not been fully clarified. The article studies historical transformations of the concept. Its evolution since the 1860s has been defined by the strategic challenge, posed by the Western states. In

¹¹ The article «The “China Dream” in Question» was first published in the journal “Economic and Political Studies” (Vol. 2, No. 1, January 2014, pp. 127–142). The author kindly agreed to submit to our journal the renewed version of his study, which reflects the latest international developments. The translation and comments were made by Evgeny Grachikov.

response the Chinese intellectual elite created several modernization programs, with each one of them more comprehensive than the previous. However, in practice the modernization of China meant its Westernization. Therefore, the way towards “Chinese dream” appeared also to be the erosion of “Chineseness”. Even Marxism, which was used to overcome the Western domination, has Western roots. Therefore, Mao Zedong and the Communist Party of China used counterstrategy of de-Westernization of Marxism, appraising it as a scientific truth, and making it a global heritage, rather than a European one. The transformations caused by China’s modernization brought about the search for Chineseness. To disclose it the author formulates the concept of “methodological China”, which reflects the ironical fact that the way the country acts defines its essence better than its values. Chinese adaptability enabled it to copy the best from the Western experience and, therefore, to take from the leading states their winning recipe. The implementation of this strategy had an impact on the general trends of global development. Any innovative strategies through time lose their exclusivity and are copied by rivals. Under these conditions, countries have to deal with resource limitations. Therefore, competition for resources to fulfil national dreams could become not only meaningless, but could also create threats for the humanity as a whole. Thus, it is important to transfer from pursuing narrowly defined “national dreams” to the construction of stable and common world. The initial reading of the “China dream” more than 3000 years ago was formulated very much in this paradigm of thought and the current Chinese initiatives testify that this logic reemerges in Beijing.

Keywords:

China dream; methodological China; imitation and innovation; ideal China.

References

- Guo Moruo. (2007). The Essence of Reviving the Chinese Nation (复兴民族的真谛). In *The History of Social Theories in China: The Republic of China* (中国社会思想史资料选辑. 民国卷. Vol. 1), edited by Xueyi Lu and Chuhui Wang, 370–372. Nanning: Guanxi People’s Publishing House.
- Kang Youwei. (1981). The Second Letter to the Qing Emperor (上青帝第二书). In *Rang Youwei’s Works on Publics* (康有为政论集, Vol. 1), edited by Zhijun Tang. Beijing: Zhonghua Book Company.
- Liang Qichao. (2002). On Reform: A General Discussion (变法通议). Beijing: Huaxia Publishing House.
- Lu Xun. (1997). *Essays of Lu Xun* (鲁迅杂文集. Vol. 1). Shenyang: Chunfeng Art and Literature Press.
- Mao Zedong. (1996a). *Selected Works of Mao Zedong* (毛泽东选集, Vol. 4). Beijing: People’s Publishing House.
- Mao Zedong. (1996b). The Chinese People Have Stood Up (中国人从此站起来了). In *Selected Writings of Mao Zedong* (毛泽东选集, Vol. 5). Beijing: People’s Publishing House.
- Sun Yat-sen. (2007). The Five-Power Constitution (五权宪法). In *The History of Social Theories in China: The Republic of China* (Vol. 1), edited by Xueyi Lu and Chuhui Wang, 162–173. Nanning: Guanxi People’s Publishing House.
- Xu Guangxi. (1984). *Works of Xu Guangqi* (徐光启集, Vol. 2), compiled and collected by Zhongmin Wang. Shanghai: Shanghai Classics Publishing House.
- Zhao Tingyang. (2006a). The American Dream, the European Dream and China’s Dream (美国梦, 欧洲梦和中国梦). *Transcultural Dialogue* (跨文化对话), 2006 (18): 143–161.
- Zhao Tingyang. (2006b). Rethinking Empire from a Chinese Concept All-under-Heaven (Tianxia). *Diogenes*, 12 (1), 29–41.
- Zhao Tingyang. (2009). A Political World Philosophy in Terms of All-under-Heaven (Tianxia). *Diogenes*, 56(1), 5–18.
- Zhao Tingyang. (2012). All-under-Heaven and Methodological Relationism: An Old Story and New World Peace. In *Contemporary Chinese Political Thought: Debates and Perspectives*, edited by Fred Dallmayr and Tingyang Zhao, 47–66. Lexington: University Press of Kentucky.
- Zhao Tingyang. (2013). *First Philosophy: From Cogito to Facio* (第一哲学的支点). Beijing: SDX Joint Publishing Company.
- Zizek Slavoj. (2012). *The Year of Dreaming Dangerously*. London: Verso.